

ХОД СРАЖЕНИЯ

1

Широкая улица пустынна. Высокие избы прячутся за глухими заборами. Земля разбухла, ослабла, раскиселась. Серой парусиной повисло небо. Рыжая, примятая трава ершится на пригорках. Ни любопытных лиц, ни любопытных встреч. Отцвели над трубами утренние дымки. Висит над зеленобурным далеким лесом лиловое солнце. За избами — обрыв. Металлом мерцает река. На противоположном берегу десятки домов взбираются вверх, к солнцу. Среди тесовых серых и соломенных желтых крыш нет — нет да и мелькнет красная — железная. На том берегу село Лихари, здесь — Амурское.

*

В Амурское меня привели цифры. В селе 260 дворов. Задание по хлебозаготовкам 2 834 тонны. Задание выполняется скверно. До сих пор выполнено лишь 49 процентов.

В самом большом округе района с 13 885 хозяйствами, с почти сотысячным населением, Амурское отстает наиболее позорно.

*

Отдавшись на волю ямщика, я, наконец, очутился за дощатым забором, перед резным затейливым крыльцом.

Навстречу мне вышел худощавый хозяин, в черном, застегнутом доверху кителе, с аккуратно подстриженной "а — ля — мужик" бородкой. Он перемигнулся с ямщиком, поздоровался со мною и сразу осунулся, пригорюнился, притих. Минутой позднее спустился с крыльца во двор человек потолще, поосанистее, но победнее одетый.

- Овсеца привезешь?
- весело обратился ямщик к хозяину.

Тот глазами украдкой показал на меня.

Ямщик его успокоил:

- Свой человек. Давно знаком: не перед кем таиться.

Хозяин еще раз пытливо взглянул на меня и как будто

успокоился.

- Вывозить трудно, – ответил он ямщику.
- Поймать могут.

– Ловчей будь!

Ямщик свистнул.

Хозяин и толстый человек подступили ко мне.

- Вот вы из города?.. Нас замучили здесь.
- Шагу не шагни... Давай да давай хлеб... а себе что?
- С трудом воз свезешь.
- Уполномоченный лют.
- Лют!
- Не приведи бог!
- Изуверствует.

– Бьет! Всю деревню бьет. На – днях Трофиму Павлычу наганом во лбу дырку до кости провертел – пугал все. Хлеба требовал.

– Бьет, шибко бьет! Дуняшке Тереховой глаз выбил. Пугал все. Хлеба требовал.

– Видеть его народ не может. Он не то что хлеба, мужиков найти подчас не может. Прячутся от него.

– Видеть его страшно...

Позади деревни, на самом высоком бугре, в новом белом доме остановился уполномоченный Рябовских.

Прямо, по пустым огородам, перескакивая через перегородки из длинных жердей, добирюсь до уполномоченного.

Стучу в дверь. Вторит маленькая неистовая собачонка.

В избе чисто и светло. На окнах бледнозеленая, покрытая

розовыми каплями цветов герань. На широкой двуспальной кровати беспорядочной грудой навалены подушки и перины. Белый деревянный пол застлан пестрыми домотканными "дорожками". Сияет выбеленная печь.

Хозяева обедают.

- Приятного аппетита, – произношу я.
- Разве товарищ Рябовских ушел?

- Почему?
- отвечает хозяйка и зовет: – Иван Митрич! Иван Митрич!

Раздается сопенье. Скрипит кровать. Из – под громадной пунцовой перины показывается заспанная русая мальчишеская голова. Иван Дмитриевич щурит глаза, рассматривает меня, неохотно выползает из – под перины. Лютый Рябовских – совсем мальчишка!

Я начинаю, было, беседу.

- Не здесь, не здесь!
- обрывает меня Рябовских.

Он надевает сапоги, нахлобучивает фуражку, небрежно набрасывает на плечи кожаную куртку.

- Обедать?
- останавливает его хозяйка.

- После, после...

Мы идем с уполномоченным по селу, минуем сельсовет, школу, заходим за сложенные около школы дрова.

- Тут хоть лишних ушей нет, – об'ясняет Рябовских.

Уполномоченный предвидит мои вопросы и с места в карьер начинает:

– Вполне очевидно: хлебозаготовительный план выполнить не удастся. Хлебофуражный баланс составлен неправильно. Все перепутано. Приходится производить перераскладку! Почему неправилен баланс? Председателем сельсовета был кулак. Он все и напутал в кулацкую пользу... Нынче кандидат партии. Ничего, послушный парень. Да у меня – хоть кто не пикнет... Кулаки торгуют зерном. Я их описал, оштрафовал... У меня не десять голов...

Что вы мне о работе с беднотой говорите! Кулаки и бедняки — одинаково против советской власти. Поводили эту бедноту хорошим отношением...

Рябовских бодрится, но голос его растерянно дрожит.

В комсоде табачный дым висит непроницаемой пеленой. Смешиваются разноголосые выкрики. Тянется печальная песня:

Трансваль, трансваль, страна моя,

Ты вся горишь в огне.

Надо долго присматриваться, чтобы разобрать тонущих в табачном дыму людей.

Рябовских садится поодаль.

— Днем предоставляю инициативу массам, — об'ясняет он мне.

— Я по ночам работаю.

Затем он обращается к председателю сельсовета:

— Как дела?

Председатель вскакивает со скамейки, вытягивает руки по швам и рапортует:

— Занимаемся.

Занятиями управляет пьяненький, время от времени начинающий петь песни растрепанный человек.

— Я, Тараруев, — партизан? Партизан! Я советскую власть люблю? Люблю! Братья мои, товарищи, полюбите и вы ее, мать родную.

Находящиеся в помещении крестьяне сумрачно молчат.

Тараруев начинает сердиться.

— Вас спрашивает Тараруев или не вас? Здесь кулаки? Очень рад, товарищ Дутов Петр Петрович, вас видеть.

Тараруев вылезает из-за стола, пошатываясь подходит к чернобородому старику и жмет ему руку.

— Петр Петрович, вы должны триста семьдесят пудов сдать, а вывезли только восемь. Любите вы советскую власть? Умоляю вас, вывезите излишки. Ну, хоть еще пудов тридцать, хоть двадцать...

— Вы так разговариваете с кулаками?

— изумляюсь я.

— Откуда этот пьяница?

— Есть тут, — безразлично говорит Рябовских.

— Доброволец один.

*

На дверях сельсовета снаружи висит трепаный, разрисованный красными чернилами лист толстой бумаги: стенная газета. Половину листа занимает заголовок: "К новой жизни". Вся газета состоит из трех статей. Передовая о международном положении — плохая компиляция плохой и устаревшей информации окружной газеты; боевой призыв — заботиться о чистоте жилищ и уничтожать тараканов; информационный отчет о собрании по вопросу о хлебозаготовках.

Отчет поистине составлен добросовестно:

"При Амурском сельсовете состоялось собрание местных граждан.

Присутствовало большинство местных граждан.

Собрание открылось с опозданием.

Во время собрания в помещении было очень тесно и накурено.

Собрание было собрано для обсуждения хлебозаготовительного плана.

Гражданин Ларин сказал, что советская власть обирает крестьян и пусть берет хлеб сама, а крестьянам везти его не надо.

Гражданин Кузовлев сказал, что легче умереть, чем найти такое множество хлеба, и сказал, что хлебозаготовки не нужны.

Вот что говорилось на собрании".

"Вот что говорилось на собрании!" Поистине глубокомысленный

ВЫВОД.

— Кто редактирует газету?

— Учительша.

Восемнадцатилетняя безбровая девица, с голубым бантиком в косичке, непроходимо глупа.

— Кто пишет в стенгазете?

— Я.

— Только вы?

— Нет, еще одна учительница пишет.

— Вот у вас там о хлебозаготовках заметка. Ведь это же кулацкая заметка. Сейчас происходит классовая борьба...

— Происходит. Я знаю. Только в нашем селе классовой борьбы нет.

*

Напротив, в Лихарях, хлебозаготовки близятся к концу. Круглые сутки работают бригады, составленные из аккуратных сдатчиков. Село разбито на пять районов. Каждое мероприятие обсуждается на бедняцких собраниях. Коммунисты и комсомольцы работают с утра до вечера. Выполнив задание, предполагают организовать колхоз. Уже сейчас коллективизация в центре внимания всего села...

И никакого внимания соседнему берегу!

На соседнем берегу Рябовских полный хозяин.

Костя Меловой, правда, бедняк, но хозяин крепкий и умелый. Он завидует соседям, организующим колхоз. Он рискнул притти к Рябовских.

— Иван Митрич, если бы нам...

— Что?

— строго спросил уполномоченный.

— Вот хлеб мы отдаем... Каждый врозь.хлопот сколько. Обману много. Каждый норовит себе лишнее спрятать. Вот об'единиться бы всем в колхоз. Все ясно: хлеб всем поровну, а лишнее — государству... Порядок бы был.

— Хлеб — то сдал?

— вместо ответа накинулся на него Рябовских.

— Сдал, — сказал и заробел Костя.

— Ну и уходи!

— проводил его уполномоченный.

— Хлеб не сдаете, а о колхозе говорить начинаете... Чтобы хлеб сдать! Выполните задание, уеду, тогда и об'единяйтесь.

*

Ночью уполномоченный повел на село наступление.

В школе, в нижней комнате, Рябовских оставил членов комсода. Сам расположился наверху.

Окна заставил школьными досками и партами. Тускло горела лампа. На столе наган.

Вызванные крестьяне после короткой беседы с членами комиссии посылались наверх.

Робея, вошла в комнату уполномоченного вдова Мерзлякова.

Рябовских затопал ногами.

— Не сдаешь? Не сдаешь?.. Снегом заставим питаться! На Соловки тебя отправим, на Соловки!

Мерзлякова растерянно попятилась.

— Милай... Дык я свезла же на своей Бурухе... Не надо мне Соловков. Чо кричать — то на бедных?

Заплакала.

Уполномоченный, не смущаясь, закричал вниз:

— Следующего.

Семахин, середняк, из следуемых ста пятнадцати пудов не сдал двенадцать.

За Семахиным затворилась дверь. Начался допрос.

Матерясь, остервенелый Рябовских бросился на вошедшего, схватил его за грудь, приставил к морщинистому, обветренному лбу дуло нагана и неистово закричал:

— Везешь? Иначе — пришью на месте!

Семахин кряхтел.

— Не везешь? Снимай штаны. Раздевайся, скотина, донага.

Рябовских уже не кричал, а шипел сквозь стиснутые, побелевшие губы...

...Щелкал взводимый курок...

Старик Боков слетел с лестницы, часто закрестился и с испугу выполз из школы на четвереньках.

*

По селу ползли слухи: уполномоченный по ночам расстреливает крестьян. Правда, все еще были живы, но слухам верили.

Слухи усердно распространялись. Ползли дальше, за село...

Крестьяне решительно отказались приходить в комиссию.

Не вывозили хлеба и прятались по домам.

Не действовали никакие угрозы.

2

Спорили ожесточенно.

Перебравшись в Лихари, найдя Костюка, секретаря, я немедленно же начал звать его на соседний берег.

Костюк возмущался поступками Рябовских, но — своя рубашка ближе к телу: вокруг кипела работа, и он в заботах о Лихарях плевал на Амурское.

Между тем раздражение росло. Амурское нуждалось в помощи извне безотлагательно. Каждый неверный шаг Рябовских немедленно использовался и преувеличивался кулаками. Костюк упрямылся. Значит, нужно вмешательство райкома. Досада щемила мое сердце — до района было не менее сорока длинных и тяжелых сибирских верст.

Дверь лихареvского сельсовета с треском распахнулась. В комнату вкатился круглый, полный, в пушистом черном полушубке, необычайно кряжистый человек. Костюк мгновенно сжался. Вошедший остановился у стола. По-военному рубил воздух короткими словами:

— Дальше своего села не видишь? Позор! Что сделано?

— Кончаем хлеб...

— заторопился Костюк.

— А соседи?

— крикнул на него вошедший.

— Соседям морду бьют? Не понимаешь? И тебе и мне морда набита.

Вошедший строго приказал:

— Ты и Багров со мной в Амурское. Быстро.

У выхода я придержал Костюка за рукав.

— Кто это?

— Батыев... Секретарь райкома.

Приехал кстати!.. Понятие о Батыеве я имел. Окружная газета, не в меру усердствуя, обвиняла — и бездоказательно — Батыева во всех партийных грехах. Мне довелось читать и ответ Батыева. Большое письмо, пересыпанное цифрами и матерными ругательствами, сводило на-нет все газетные утверждения. Редакции пришлось полученное письмо полностью, если не считать вычеркнутых ругательств, напечатать.

По дороге к реке наскоро делюсь с Батыевым впечатлениями.

— Каково!

— возмущается Батыев, и вспыхивающая папироска заставляет

блестеть его сплошь золотые зубы.

— Я узнал и немедленно выехал. А тут рядом сидят — и пальцем не шевельнут.

Ленивый, громоздкий паром медленно двигался по воде. Глухо и неодобрительно лязгал металлический канат. Батыев стремительно бежал по парому. Ко мне придвинулся Костюк, зашептал:

— Не подумайте чего про Батыева — что зубы у него золотые. Он партизаном был. Белые поймали его, пытали, всю челюсть раздробили. Золотые зубы на казенный счет вставлены — сам бы не осилил.

Мелочь, конечно. Но любопытно, что Костюк трогательно заботился даже о внешнем впечатлении, производимом только что разругавшим его секретарем райкома.

Тучей навис Батыев над Амурским.

Он не терял времени. Зашел в сельсовет, поздоровался. Спросил, приехал ли кто из города, и, узнав, что приехавший в школе, велел послать туда Рябовских.

В школе работал следователь.

— Ну как, как?
— нервно спросил Батыев.
— Оговор или...

— Какое там!
— ответил следователь.

Пришел встревоженный, растерянный Рябовских.

Батыев смолк, сел на парту, точно успокоился, и вдруг пернатый, бросающимся на маленькую пичужку хищником, налетел на уполномоченного.

— Ты член партии?
— Да.
— Директивы партии знаешь?
— Да.

— Так как же ты, Рябовских, посмел послушаться партию?

Рябовских молчал.

— Законных средств тебе было мало?

Рябовских молчал.

— Давно в партии?

— Два года.

— Где работаешь?

— В коммунхозе.

— Давно?

— Три месяца.

— Где работал раньше?

— На текстильной фабрике.

Батыев не двинулся, но, казалось, он всплеснул руками.

— Сам рабочий и плюешь на директивы рабочего класса?

Батыев встал, легко отодвинул рукой затрещавшую парту и распорядился, обращаясь к следователю:

— Отобрать оружие. Допросить. Арестовать.

Пошел к выходу. Подозвав следователя, он распорядился уже тише:

— Отправить его в город ночью, чтобы меньше шума было. Да не забудьте накормить парня.

И, вспомнив кстати, что сам он ничего не ел со вчерашнего вечера, Батыев просительно обратился к Бородкину, председателю Амурского сельсовета:

— Поесть где — нибудь можно?

— Пожалуйте... Сведем вас к одному кулачку, — услужливо

предложил Бородкин.

- Ты в уме?
- остановил его Батыев.
- Мы к кулаку не пойдем. Веди куда попроще... Заплатим же!

Хозяин – совсем молодой парень. Кудряев. Бедняк. Встречают нас приветливо и спокойно. Жена Кудряева – женщина редкой красоты – накрывает стол синеватым, с красными вышитыми петухами полотенцем. Наскоро,

но вволю пьем чай, без молока, без сахара, с пышными калачами и кислыми огурцами.

Кудряев беседует сдержанно, степенно. Вдруг он спохватывается:

- Что ж я растерялся! Выпьете самогонки?

Батыев усмехается:

- Мы не пьем.

Должно быть, он говорит неправду: должно быть, пьет. Но без лишних глаз и, значит, без лишних разговоров.

- Какое тебе задание дали?
- спрашивает он Кудряева.

Парень удовлетворительно отвечает:

– Меня совсем освободили, не нашли у меня излишков. Только...

- Что только?
- Только я девятнадцать пудов вывез... Излишков.

Кудряев улыбается.

- А соседи как?
- Соседи не везут.
- Почему?

Батыев нахмуривается.

— Боялись. Мне вот ничего не велено было сдавать, а я нашел все — таки излишки... Сдал, по сознательности сдал, а товарищ Рябовских накричал на меня, что я мошенник и что если у меня девятнадцать пудов нашлось, то я еще сто девяносто найти обязан.

Кудряев развел руками.

— А ведь я беден... Только — только хозяйство налаживать начал.

Перед собранием бедноты Батыев обращается ко мне с просьбой помочь проверить хлебофуражный баланс, высчитать средние цифры и проценты. Брезентовый портфель Батыева полон таблиц и диаграмм.

— Цифры — они дают ясное представление, они все об'ясняют, — с увлечением утверждает секретарь райкома.

Мы лихорадочно считаем.

Раскладка как будто бы правильна. В среднем каждое кулацкое хозяйство должно сдать 236 пудов, зажиточное — 165, середняцкое — 96, бедняцкое — 34. На размышление наводит исчисление урожайности с десятины: у кулаков — 43 пуда, у зажиточных — 40, у середняков — 56! Возмущаться надо выполнением: кулаки выполнили 16 процентов задания, зажиточные — 19, середняки — 53, бедняки — 25.

Вооруженные этими цифрами мы идем на собрание бедноты.

Низкое, просторное и душное помещение сельсовета полно людей.

— Тут есть...

— Бородкин наклоняется к Батыеву и шепчет.

— Лишенцев немедленно удалить, — громко распоряжается Батыев.

Несколько человек, недовольно ворча, пробираются к дверям.

Собрание открывается.

Слово предоставляется товарищу Батыеву.

Я торопливо несусь по бумаге, стараясь возможно подробнее записать доклад секретаря райкома.

Голос Батыева то гудит властно и торжественно, то вдруг стихает и сменяется выразительным шопотом, то усиливается вновь, перебивается поговоркой и, наконец, начинает гневно греметь:

— Не поймешь, да пойдешь — так упадешь. Так и ваш уполномоченный: ничего не понял, споткнулся — а вы не подсобили. Тоже поступили несознательно. Ведь мы перестраиваем государство. Трудящиеся строят новую жизнь. А вы отстаете! Соберем хлеб, засеем весной всю землю, соединимся в колхозы и через пять лет почище наших господ жить будем... Коммунистов боитесь! Хлеб бережете. Знаю, знаю я ваши разговорчики: мол, коммунисты от отчаянности хлеб собирать хотят. Коммунисты хотят из всей страны общежитие сделать. Коммунистам романовские долги платить надо. Коммунисты от буржуев откупаются, чтобы войны не было... Не верьте кулакам! Чепуха все это. Коммунисты хотят крестьян организовать, чтобы ни один чорт и подумать никогда не посмел отобрать у вас землю. Машинами вас хотят снабдить. Грамоте научить. Людями сделать. Не верьте кулаку!.. Уполномоченный ваш перестарался — под суд его отдаем. Дело делай, рукам волю не давай. Но и другое понимать надо: хлеб в перчатках не заготавливают. А у вас хоть один кулак описан? Привлечен к ответственности? Распродан? Не время нынче сидеть у берега да погоды ждать. События со слуха понимать надо. Вы же спали...

Но иногда Батыев загибает совершенно невероятную фразу:

— Политическая экономия учит понимать аграрную политику и экономические ресурсы, конкретно и объективно определяет каждый индивидуум и индивидуальный случай. Дифференциация и расслоение доказано диаграммно, но рентабельная проблема экономики стимулирует темп всеми фибрами наших сфер и дает кулаку реванш!

Сказав такую невероятно умную фразу, Батыев снова выправляется и начинает говорить простым, понятным языком.

— Глотова — кулака лихареvского — все помнят? Что он с вами делал? Я — то знаю: восемь лет я у него батрачил. Как он у вас пшеницу покупал? В ноябре по сорок копеек. А помните, как приходили к нему ту же пшеницу на семена покупать? Только в апреле она полтора рубля стоила... Глотовы с вами не миндальничали.

А вот вы с Глотовыми нежничаете. Самих себя предаете... у нас выход один. В округе пятьдесят четыре колхоза. Мало! Колхозы

обрабатывают девятнадцать тысяч гектаров. Мало! В нашем районе двенадцать коммун. Мало! Скорей хлеб сдадим — скорей жизнь наладим. Хорошим подходом — хорошим ответом хорошо заготовим хлеб.

За крохотными окнами — непроглядная мгла.

Спертый от махорки воздух. На краю стола стоит ведро с водой. Большим корявым ковшом поминутно черпают воду. Ковш ходит по собранию.

Батыева слушали в напряженном молчании. Организованно никто не выступает. Но все гуще и гуще несутся с мест выкрики.

— Спасибо, что уполномоченного убрали...

— Думали, кишки вытащит!

— Тараруев тоже хозяйничал...

— Да он партизаном был!

— Водку он только по — партизански пил.

— До Бородкина сколько времени Головачев председателем ходил...

— При нем только кулакам свобода была!

К Батыеву сыплются вопросы:

— Вот у меня весь лен погиб, а с меня тридцать пудов льносемян требуют... Я только двенадцать могу сдать...

— Весь погиб?

— Весь.

— А двенадцать можешь сдать?

— Двенадцать могу.

— Как так, — смеется Батыев.

— Весь погиб, а сдаешь двенадцать... Не бывает так, чтобы рука погибла, а пальчик остался.

— Товарищ Батыев, у меня хлеб плохой!

— Плохой, говоришь?

— задумывается Батыев.

— А вот мы сейчас других спросим. Ведь у кого —нибудь и хороший был.

— Был! Вестимо был!

— раздаются голоса.

— Вот и отлично. У кого хлеб хороший был, подними руки.

Никто не поднимает.

Все смеются.

Вдруг с треском лопается стекло. Выстрел. Другой. Стреляют в окна, около которых сидят сельсоветчики.

Батыев недвижим. Он только поднимает голову, всматривается в десятки испуганных глаз, указывает на двух парней и посылает их:

— Сходите. Выясните.

Новый выстрел. Пуля застревает в потолке. Я сижу спиной к окну. Неприятный холодок пробирается ко мне за ворот. Хочется подвинуться в сторону. Батыев неподвижен. Надо держаться потверже. Неподвижно замираю против окна.

— Правильно говоришь, товарищ Батыев!

Рыжий, в овчинном кожухе пожилой крестьянин поднимается со скамейки.

— Не боюсь Головина! Идем, покажу яму, где у него хлеб зарыт.

Против него встает седой, остробородый старик и кричит в лицо рыжему крестьянину:

— Семахин — то знаешь?... Семь десятин утаил.

Обоих перебивает по —монашески повязанная коричневым платком женщина:

— У Филиппа Егорыча хлеб нашли, а батраки сказали, что

ихний... Нарочно подговорил. Филипп — егорычев это хлеб!

Перелом.

В глазах Батыева запрыгали веселые искорки.

- Так что ж будем делать?
- крикнул он собранию.

Нельзя было разобрать, кто говорил — говорили все.

— Хлеб везти!

— Кулаков заставить!

— Наканителились!

— Будя!

— Товарищи, сегодня ночью мы будем работать, — вслух решил Батыев.

— Кто хочет помогать — оставайся.

Народ не расходился.

— Товарищ Костюк, организуй — ка бригады, разбей по районам и двигай, распорядился Батыев.

В это время к нему подошел один из двух посланных на улицу парней.

— Головачев стрелял, — тихо сообщил парень.

— Очень хорошо. Позовите ко мне милиционера, — продолжал невозмутимо распоряжаться Батыев.

Кудлатый, растрепанный, поднятый с постели милиционер, обросший жгучей черной щетиной, сердито пялил глупые голубые глаза.

- Ничего не делаешь?
- быстро спросил его Батыев.
- Спишь? Ты спишь, а кулаки не спят. Не думают спать.

Милиционер сердито чесал поясницу.

— Сколько хозяйств описано?.. Нет таких?

— Ни при чем я. Рябовских виноват, — выдавил из себя милиционер.

— Теперь рады будете на Рябовских сваливать... Свои головы есть.

— Батыев рассердился.

— Ни к чорту работать не умеете!

— Вы не оскорбляйте... Я человек нервный, — заносчиво буркнул милиционер.

Батыев не обращал на его слова внимания.

— Вот что, человек нервный: Головачева найти и арестовать к утру. Пошел!

— Отдыхать не даете?

— обозлился милиционер.

— Я человек нервный...

— Плевать мне на твои нервы, — сухо отрезал Батыев.

— Иди. Предупреждаю: если Головачев не будет арестован, завтра же будешь уволен.

Всю ночь коптели в сельсовете две крохотные керосиновые лампочки. Едкий запах махорки смешивался с тяжелым керосиновым воздухом. Всю ночь работала комиссия содействия хлебозаготовкам.

Бедняки группами ходили по селу. Стучались в избы кулаков, богатых и зажиточных крестьян, осматривали и проверяли запасы хлеба, вызывали хозяев в сельсовет.

То — и — дело хлопала дверь. Входили. Уходили. Выше подвертывали в лампе фитиль. Сельсовет походил на полевой военный штаб. Поступали вести о ходе сражения. Отдавались приказы.

Кауров, богатейший на селе хозяин, уличенный в спекуляции хлебом, драчливый и злой, стоял в углу около печки и робко плакал, вытирая слезы грязным, затрепанным подолом армяка:

— Господи!.. Нет у меня хлеба... Пощадите детей... Детушек... Не продавайте с торгов... Дочь у меня недавно умерла... Бог обидел, и вы хотите...

В незнающем его человеке Кауров легко может вызвать жалость. Здесь, в сельсовете, он действительно беспомощен и несчастен. Однако, если не ошибается деревенская молодежь, сегодня в сельсовет стреляли Головачев и Кауров.

Разумовский тщедушен, невзрачен. Одежда на нем — не может быть рванее. Он безостановочно грозит пальцем, хитро прищуривается и явно издевается:

— Говорите, коли не дадим хлеба, рабочий тоже товара не даст?.. До ужаста обидно!.. Вы много мужикам товара даете? Вот он — товар, на мне...

Разумовский двумя пальцами натягивает лоскут драной домотканной свитки.

— Суконце — то какво! Дорогой товар. Заграничный товар. Международный пролетариат делал.

Разумовский показывает на грязную холстинковую портянку:

— А кожевенный товар! Хром. Шевро. Каждый день в этом лаковом сапоге щеголяю...

А мы с Батыевым думаем: пойдет хлеб или нет?

Всю ночь ходят бедняки по кулацким избам.

Случилось так, что на десять минут сельсовет обезлюдел. Батыев замолчал. Я просматривал только что принесенные описи кулацких хозяйств. Когда снова вошли бригадники, спрашивая распоряжения Батыева, я повернулся к нему и увидел замершего, заснувшего секретаря райкома. Он сидел вытянувшись, и только болезненное, хриплое дыхание клокотало внутри человека.

Я толкнул Батыева. Он встрепенулся, растерянно провел рукой по глазам и сконфуженно произнес:

— Простите... Я, кажется, заснул... Не сплю четвертую ночь... Но это нечаянно.

Он повел головой, прогоняя с себя сон, и снова принялся работать.

Ночное беспокойство владело нашим сознанием. Пошел хлеб

или нет?

Кулакам не дали спать. Беднота ходила от дома к дому.
Беспрерывно во мраке скрипели подводы...

Хлеб пошел..